

Давид Шехтер

Принц и нищий

Б. – второму сыну и второму мужу

Небо за окошком почернело, дождь бил в толстое стекло с такой силой, что были слышны удары капель. Рав Кинигл покачал сокрушенно головой, на которой даже в самолете красовалась черная шляпа, и с треском задернул пластмассовые жалюзи.

– Если так будет продолжаться, мы просидим здесь еще очень долго, – сказал он и откинулся на спинку кресла.

– Да, вот уж действительно разверзлись хляби небесные, – подхватил его сосед, Йошер.

Некоторое время молоденький хасид с курчавой иссиня-черной, будто крашеной бородкой и почтенный раввин просидели в тишине, каждый погруженный в совсем не веселые мысли. Самолет, летевший из Тель-Авива в Нью-Йорк, вот уже три часа переживал плохую погоду в Нью-Арке, и, судя по всему, ожидание затягивалось надолго. А значит – летели в тартарары все планы, так тщательно разработанные в Израиле.

Весь многочасовой перелет из Израиля рав Кинигл и Йошер почти не общались друг с другом. Несколько ни к чему не обязывающих фраз да совместное участие в молитвах, которые верующие евреи устраивали в хвосте самолета. Конечно, они представлялись друг другу и даже выяснили, что не имеют общих знакомых. Но на этом все и закончилось.

И вот теперь, желая хоть как-то скоротать время, которое после вынужденной посадки в Нью-Арке застыло, как жена Лота, рав Кинигл начал разговор с молодым соседом. Он вытащил из-за уха полуседой пейс, расправил его во всю длину, внимательно

осмотрел и стал аккуратно наматывать на указательный палец правой руки.

– Хотите послушать историю, случившуюся у нас в Реховоте? – обратился он к Йошеру.

Тот радостно закивал – перспектива просидеть сиднем и без всякого общения еще несколько часов в самолете явно его не радовала.

– Хочу сразу же подчеркнуть – она произошла не со мной и даже не с моими знакомыми. Вообще, вся эта история стала известна мне совершенно случайно. Когда я расскажу ее, вы сами поймете, почему почтенные люди не очень-то стремились о ней разглагольствовать.

Синагога «Коах Иешурун» – одна из самых древних в нашем городе, если, конечно, можно применить слово «древний» к синагоге, насчитывающей чуть больше 100 лет. Хотя, впрочем, и сам наш город молод – Реховот основали в конце XIX века молодые студенты, приехавшие в Эрец-Исраэль после первого погрома.

Как известно, тайная организация террористов, замыслившая и организовавшая убийство русского царя, специально отстранила от всякого касательства к покушению поляков и евреев. Тем самым, считали они, удастся предотвратить гонения на эти национальные меньшинства. Какая наивность! Едва по стране разнеслась весть об убийстве царя, первой же реакцией на нее стали еврейские погромы. И тогда еврейские студенты из Харькова и Одессы решили, что больше ждать нельзя – следует начать строить государство для евреев.

Так в Эрец-Исраэль появились поселения Ришон-ле-Цион и Реховот. «Коах Иешурун» не была первой синагогой Реховота, но когда ее строили, то с трех сторон простирались пески, а с четвертой тянулись к раскаленному небу тоненькие деревца апельсиновой рощи. Со временем поселение разрослось и превратилось в город, дома которого подступили вплотную к синагоге.

Ну, дома-то ладно, чем они ближе, тем больше людей приходит на молитву. Беда состояла в том, что апельсиновую рощицу, разросшуюся с годами в большой пардес, выкорчевали. А на ее месте построили городской стадион. Да так, что одну из его трибун отделили от синагоги считанные метры.

С тех пор нормальная жизнь в «Коах Иешурун» прекратилась. Да и какая может быть жизнь, если каждую субботу на стадионе проводится очередной матч футбольной лиги, и болельщики местного «Бейтара» неистовствуют так, что в синагоге не услышишь не то что хазана, а собственного голоса?

Один из прихожан – реб Янкл Магид, рассказал, что в Одессе, откуда он родом, была аналогичная ситуация. Там власти специально соорудили вплотную к синагоге танцевальную площадку, динамики которой выли, как демоны. Но в Одессе такое глумление над синагогой и евреями устроили гои, и не просто гои, а большевики, весь смысл жизни которых заключался в борьбе с религией, с иудаизмом. Но здесь, в Реховоте, это учудил горсовет, все члены которого чистокровные евреи, а некоторые даже носят на голове ермолку!

Разговаривать о чем-то с болельщиками было бесполезно – как только начинался очередной матч, они превращались в самых настоящих демонов: размахивали желтыми флагами с гербом своего клуба, танцевали от радости, если «Бейтар» выигрывал, и прыгали от горя, если проигрывал. А с децибелами их воплей не мог бы сравниться даже самый мощный динамик. Мы так и прозвали их – демоны.

В этом месте рав Кинигл замолчал, размотал свою пейсу, снова заматал ее на палец и продолжил.

– Мы – я имею в виду все религиозное население Реховота. Конечно, само прозвище придумали в «Коах Иешурун». И не кто иной, как тот самый Янкл. Он, вообще-то, человек странный, не от мира сего. Работает кладовщиком на какой-то военной базе и от скуки занимается составлением шахматных задач.

Я не большой любитель шахмат, считаю занятие ими чистой потерей времени. Чем просиживать часы над доской и передвигать фигурки, лучше выучить еще один лист Гмары. Или сделать еще одно доброе дело. Не знаю, не знаю... Не судья я любителям этой игры.

Как и не судья Янклу, который от составления задач не то чтобы тронулся умом, но погрузился в другой мир, и большую часть времени пребывает именно в нем. Сперва от его выкриков – «Да лошадью ходи, лошадью!» или «А я вот тебя ферзем прищучу!» –

люди шарахались. А потом привыкли и перестали обращать внимание.

Так он и коротает свои дни – пыльный склад, докучливые сослуживцы, крикливые дети. Но есть у этого Янкла одно редкое свойство – как скажет что-нибудь про кого-нибудь, будто припечатает. И приклеится эта кличка навсегда. Так и с болельщиками бейтаровскими было – как прозвал он их в сердцах демонами, так и прилепилось это к ним.

– И никто не возмутился, не подал в суд? – осмелился прервать плавную речь рава Кинигла его сосед. – За подобное оскорбление этот Янкл мог здорово поплатиться.

– Ничуть не бывало, – усмехнулся рав Кинигл, – болельщикам это прозвище так понравилось, что они стали писать на своих футболках и знаменах – «Желтые демоны». Поэтому Янкла никто не тронул. Да и что с него взять, он ведь, мягко говоря, человек странный, даже в Йом-Кипур в синагогу не заходит. Шахматы ему заменили Всевышнего, как это ни парадоксально и ни богохульственно звучит.

– А чем же ему болельщики тогда помешали? – спросил Йошер.

– Да живет он просто рядом с синагогой, и рев этих демонов не давал ему спокойно предаваться сочинению шахматных задач.

– Мда, демоны – это серьезно. «И шутить с ними нельзя», – сказал Йойшер. Написано ведь у Раши со слов рава Пинхаса, что в шестой день были созданы шесть существей: мужчина, женщина, пресмыкающиеся, домашние животные, дикие звери и бесы, то есть – демоны.

– Совершенно верно, молодой человек, совершенно верно, – покивал головой рав Кинигл. – Но все, что я до сих пор рассказывал, – это только прелюдия к главному. А главное заключается в том, что буквально в нескольких сотнях метров от «Коах Иешурун» находится просторный пустырь. Не застроили его в нашем Реховоте, так нуждающемся в жилье, лишь потому, что принадлежит он горсовету, а там никак не могут решить, под что его лучше использовать.

Расположен пустырь чрезвычайно удачно – недалеко от здания синагоги, за тремя высокими домами. И эти дома являются столь мощной преградой для воплей демонов, что на пустыре

их практически совсем не слышно. Поэтому у одного из руководителей «Коах Иешурун», назовем его, скажем, реб Зайц, возник дерзкий замысел: отдать старую синагогу городу – и пусть власти делают с ней что хотят, а взамен получить пустырь и возвести новое здание. Тем самым никто из прихожан старой синагоги не будет потерян, а в новом здании воцарятся наконец благословенные покой и тишина, каковые и приличествуют дому Господню.

– Вы знаете, к счастью, я совсем немного столкнулся с горсоветской бюрократией, но даже на своем скромном опыте убедился, что любое, пусть маленькое дело, она способна тянуть годами. А что уж говорить про такую серьезную операцию! – воскликнул Йошер.

– Именно это все и повторяли в один голос автору замысла. Но он оказался человеком упрямым, совершенно уверенным в своей правоте. К тому же, и об этом критики не догадывались, у него имелся точный и конкретный план реализации своего, на первый взгляд, безумного замысла. Дело в том, что этот реб Зайц был хоть уже и в летах, но завидный жених.

Двадцать лет он прожил в любви и согласии со своей женой Кларой, да пребудет душа это святой женщины в Ган-Эден, пока Всевышний в одночасье не призвал ее к себе. Реб Зайц остался один, но уже с подростками детьми, не требующими опеки и воспитания. Он не обладал большим состоянием, но ему вполне хватало на достойное существование. К тому же, реб Зайц имел магазинчик по продаже религиозной литературы, который приносил устойчивый доход. Это вам не шахматные задачки, с продажи которых Янкл Магид мечтал разбогатеть, но которые приносили один пшик. Магазин – это магазин, а на религиозные книги, благодарение Всевышнему, спрос всегда был и будет.

Дела в магазине шли по давно заведенному распорядку, поэтому свое время и силы реб Зайц посвящал синагоге, где был одним из ведущих помощников раввина. Когда раввин умер, прихожане из любви и уважения к нему не выбрали нового. И так получилось, что всеми делами стал заправлять габбай, которого никто, собственно, не выбирал и не уполномочивал. Безобразия, конечно, форменное безобразие! Поэтому в голове у реб Зайца и созрел многоступенчатый план, который должен был одним махом решить много проблем – дать семейное счастье реб Зайцу, сделать

его главой синагоги, а ее прихожанам обеспечить нормальную обстановку во время молитв.

Вдруг рав Кинигл остановился, отпустил свой пейс и поднял вверх указательный палец правой руки.

– Вы чувствуете, мы поехали? – радостно воскликнул он. – Или мне это уже кажется?

Рав Кинигл распахнул пластмассовые жалюзи и приник лицом к окошку. Самолет действительно двигался, мягко покачиваясь из стороны в сторону. Но движение происходило в абсолютной тишине. Похоже, что аэродромный тягач вытягивал лайнер с полосы куда-то в сторону.

Это предположение казалось верным еще и потому, что дождь ничуть не утих. Наоборот, тучи приобрели свинцово-мрачный цвет, спустились совсем низко и нависли над аэродромом. Одна из них заполонила весь оком, и из ее рыхлого одутловатого брюха то и дело вылетали изогнутые желтые молнии. Издалека туча походила на гигантскую медузу, тянущую свои раскаленные щупальца к аэродрому. Самолет явно отгоняли подальше от этой тучи и от этих молний. Ни о каком взлете не могло быть и речи.

Рав Кинигл разочарованно закрыл жалюзи.

– По-видимому, нам суждено провести здесь еще немало времени, – сказал он. – Так вы хотите узнать продолжение истории?

– Конечно, вы ведь остановились на самом интересном!

– Ну что ж, тогда слушайте. План реб Зайца заключался в том, что он должен был жениться. Невесту он присмотрел уже давно – хорошую девушку из приличной семьи. Так получилось, что хоть и не обладала она никаким пороком, но засиделась в невестах. И не потому что была некрасива. В молодости с ней произошла неприятная история, которая отталкивала потенциальных женихов.

Как и полагается религиозным девушкам, Мирьям – так ее звали – обручилась, окончив школу. По хасидскому обычаю, а отец ее был истовым хабадником, устроили «ворд». Организовали его в синагоге, созвали гостей. Выпили, закусили, и жених, высоко подняв гартл, дал обещание жениться. Все шло хорошо почти до самой свадьбы. Но за несколько дней до хупы, когда уже был снят зал и разсланы приглашения, жених исчез. Причем без всяких на то видимых причин и без предупреждения.

Конфуз был ужасный, девушка несколько месяцев стыдилась выйти на улицу. Потом как-то все улеглось и успокоилось, но женихи начали обходить ее стороной. Рассуждали они, по-видимому, так: если ее суженый решился на подобный шаг, то, наверное, он увидел в своей будущей жене какой-то очень серьезный недостаток. Через какое-то время, правда, выяснилось, что этот самый жених оказался не совсем вменяемым, и в конце концов угодил в сумасшедший дом. Но об этом мало кто знал, и вину за случившееся возлагали на Мирьям.

А реб Зайц знал, и потому дурная молва его не смущала. Он ничуть не сомневался, что эта девушка, несмотря на разницу в возрасте почти в пятнадцать лет, будет ему прекрасной женой. Хотя бы в благодарность за то, что он спас ее от судьбы старой девы, которая везде не сладка, а уж в обществе ортодоксальных евреев особенно. И реб Зайц рассчитывал, в соответствии с Раши, которого вы только что мне процитировали, что он удостоится получить помощника, а не «эзер кинегдо», которая боролась бы с ним.

Вы спросите, какое это имело отношение к синагоге? А самое прямое. Отец девушки был видным функционером одной из религиозных партий и много лет занимал пост вице-мэра Реховота. Его политические связи помогли бы без большого труда протолкнуть в горсовете решение о переводе «Коах Иешурун» на новое место.

Итак, все складывалось как нельзя лучше. Реб Зайц сделал предложение, и оно было с благодарностью принято. Дело шло к свадьбе, как вдруг случилось страшное событие.

Несколько месяцев в Реховоте свирепствовал таинственный насильник. Несколько женщин стали его жертвами – в кустах городского сада, на пустыре одной из окраин. А одно изнасилование произошло в доме жертвы – злодей проник через балкон и надругался над женщиной среди бела дня, прямо на супружеском ложе. Насильник оказался столь изощренным и осторожным, что полиция, несмотря на все усилия, не могла его изловить. Ну в самом деле, невозможно ведь держать полицейских на каждой улице и на каждом пустыре! Единственное, что оставалось делать полиции, – это извещать население о каждом случае насилия и просить граждан соблюдать максимальные меры предосторожности.

Реховот объяла паника. Женщины опасались появляться в одиночку на улицах не только в вечерние часы, но и днем. В некоторых районах даже были созданы добровольные дружины, члены которых патрулировали улицы. Эти меры принесли плоды – насилия прекратились. Но все понимали, что маньяк никуда не исчез, а затаился и выжидает удобного момента для следующего преступления. Эти предположения, увы, оказались верными. И очередной жертвой стала Мирьям.

За несколько недель до свадьбы Мирьям возвращалась вечером домой от ребетен, дававшей ей уроки по законам соблюдения семейной чистоты. Глава хабадской общины Реховота жил в нескольких минутах ходьбы от дома Мирьям, и девушка не чувствовала никакой опасности. Кто может напасть в религиозном районе, где на улицах всегда полно людей? Но в тот вечер, как назло, на том квартале, который нужно было пройти Мирьям, чтобы добраться до дома, прохожих не оказалось. Злодей затащил девушку в темный подъезд и беспрепятственно сделал свое дело.

Все планы реб Зайца рухнули. Даже если бы он проявил великодушие, а реб Зайц был очень добрым и великодушным человеком, и забыл бы о том, что случилось, то преступить заповеди он никак не мог. Реб Зайц был коэном, и жениться мог только на девственнице. Казалось, что все кончено, и злой рок, преследовавший Мирьям, в очередной раз встал на пути к ее семейному счастью.

Но тут с реб Зайцом захотел встретиться отец Мирьям реб Кливленд. Он позвонил ему по телефону и предложил встретиться в городском саду – чтобы избежать лишних кривотолков. Появление реб Зайца в доме у бывшей невесты могло вызвать пересуды и предположения. А в городском саду они могли столкнуться как бы случайно.

Реб Кливленд был явно смущен. После нескольких фраз о здоровье и о погоде он замолк, снял шляпу и долго вытирал платком мокрый от пота лоб. «Мне очень жаль, – думал реб Зайц, глядя на своего несостоявшегося тестя, – но все эти разговоры бесполезны. Я не могу отступить и перестать быть коэном».

И тут, решившись, реб Кливленд заговорил. Осторожно, словно горячие камешки, перебирая во рту слова, он произнес

несколько фраз, приведших реб Зайца в замешательство. Несмотря на насилие, Мирьям осталась девственницей.

Как раз в момент нападения она пребывала в ситуации, которая случается у каждой женщины ежемесячно, и злодей совершил с ней содомский грех. Поэтому, несмотря на всю горечь, боль и унижение, в соответствии с галахой девушка не была запрещена коэну. Проблема заключалась в «марит айн». Женившись на ней, реб Зайц не перестанет быть коэном. Но доказать это другим ему будет весьма затруднительно. Не будешь же всем рассказывать, что на самом деле произошло!

– Да, реб Зайцу не позавидуешь, – сочувственно пробормотал Йошер. – И как же он вышел из этого щекотливого положения, какое решение принял?

– А вот этого я пока не знаю, – ответил рав Кинигл, – Известно только, что отец Мирьям посоветовал ему обратиться к Любавичскому Ребе и спросить, что делать дальше.

Ребе уже давно нет в живых, но существует способ получить от него ответ – надо написать записку с вопросом и вложить ее в одну из книг Ребе – «Игрот ха-кодеш». Как ни странно, способ работает – многие люди получали ответы на самые сложные вопросы.

Конечно, все равно, где задать вопрос, то есть где написать записку и засунуть ее в книгу. Но, как говорят знающие люди, самое лучшее – это приехать на могилу Ребе в Нью-Йорке. Пойти в микву, хорошо помолиться на могиле и попросить Всевышнего в честь заслуг праведника помочь решить твою проблему. Хабадники оборудовали прямо на кладбище небольшое помещение, и в нем есть все необходимое, для того чтобы написать квитл.

Я не знаю, что решил реб Зайц, не знаю, какой ответ он получил или получит. Но до сих пор Мирьям живет в доме отца. А синагога, понятное дело, стоит на своем месте, и каждую святую субботу ее стены сотрясаются от неистовых воплей желтых демонов.

Рав Кинигл отпустил свой пейс, и он, соскользнув, повис, покачиваясь в воздухе и почти доставая до его плеча. Он посмотрел на него, быстро смотал и заправил за ухо, а оставшийся длинный конец убрал под большую ермолку из черного бархата.

– Вот такая вот история, – сказал он, не глядя на собеседника.

– Да, ничего не скажешь, история так история, – ответил Йошер. – Но вы не знаете самого важного!

– Что такое?! – подкинулся рав Кинигл.

– У меня тоже есть история. Я как раз и еду на могилу к Ребе, чтобы задать ему вопрос и узнать, как из этой истории выпутаться.

– Неужели? – с облегчением вздохнул рав Кинигл. – И вы?

Йошер перегнулся через сиденье рава Кинигла, открыл жалюзи и посмотрел в окно.

– Я вижу, что ничего не изменилось, – сказал он. – Хотите послушать мою историю?

– Конечно! – воскликнул рав Кинигл. – Конечно!

– Человек, которого вы видите перед собой, – начал Йошер, – то есть я, внешне ничем не отличается от любого ортодоксального еврея моих лет. Та же черная шляпа с загнутой по хабадскому обычаю передней тульей, черный костюм и белая рубашка в будни, капота в шабес койдеш. Днем я работаю – занимаюсь переводами с русского, иврита и английского, вечером учусь в нашем Бейт-Хабаре в колеле для взрослых. Семья, дом, дети в «Бейт Хана» и в «Томхей Тмимим». Но все это не пришло само собой, как у большинства моих сверстников и нынешних единомышленников. Я преодолел длинный и тяжелый путь, прежде чем понял, кто я, что я, чего хочу в этом мире, и что он хочет от меня.

– А, так вы «баал тшува», – протянул рав Кинигл.

– Да нет, не совсем. Этот термин, так широко применяемый сегодня, в моем случае и в случае таких, как я, не совсем точен. Вернуться можно к тому, где ты когда-то был, или к чему-то, что у тебя когда-то было. А что еврейского было у меня – воспитанника элитной школы Вильнюса?

В нашей ортодоксальной среде особое значение придают такому понятию, как «минхаг авотейну» – обычай отцов. Особенно в Хабаре. Хасиды, жившие во времена советской власти, совершали чудеса веры и преданности Всевышнему. Вы слышали, конечно, о подпольных йешивах, существовавших в СССР, о тайных хедерах, о хасидских детях, не переступавших порог советской школы и никогда в жизни не пробовавших некошерной еды. И это в условиях советской власти! А какие обычаи достались мне от отца?

Посещение профсоюзных и комсомольских собраний? Участие в ленинских субботниках – если вы понимаете, о чем я говорю.

Хуже того, мой отец не был оболванен и превращен в послушного робота, как многие советские граждане. Он был человеком думающим. И поэтому искал правду, смысл жизни. Искал долго, ошибаясь, ушибаясь, получая удары, от которых еще долго оставались синяки – и на теле, и в душе. Он дошел в конце концов до понимания того, что мир наш создан Творцом и управляется Им. Но, Б-же мой, каким же извилистым был этот путь! Чего только он не перепробовал!

Йошер остановился и некоторое время теребил свою небольшую густую бородку.

– Я прекрасно помню, как в нашем доме висела большая икона, освященная на Афоне, под ней курились восточные ароматические палочки, а возле них стояла фотография Любавичского Ребе.

Отец даже какое-то время попал под влияние секты суфистов из Средней Азии. Кто были эти люди – я не знаю, скорей всего, шарлатаны, наживавшиеся на наивных искателях правды, как мой отец. Таких искателей в Вильнюсе собралась целая компания, и они по несколько раз в год летали к своим гуру. Каждая поездка стоила немалых денег – билеты и, понятное дело, подарки гуру. Все это было за счет семьи, детей, но отец и не думал об этом.

Он находился в каком-то дурмане и не мог спокойно говорить о своих среднеазиатских баях, которых считал духовными учителями. А баи умели привязать к себе, да так, что человек – вроде бы нормальный, имевший высшее образование и работавший инженером – становился их духовным рабом.

Потом уже я узнал, что они отправляли мужчин просить милостыню на базары. А женщин насиловали каждую ночь. И все это происходило под видом «ломки гордыни» и подчинения воле учителя. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не мой дядя Давид.

Он тоже искал Б-га, но нашел его очень быстро – там, где и полагается. Как-то раз он приехал навестить нас из Мариуполя, где жил с моими бабушкой и дедушкой, и когда увидел, что творится с отцом, сперва ужаснулся, а потом начал чистить ему мозги, засоренные баями. Давид был старшим братом, и отец прислушивал-

ся к его мнению. К тому же, Давид уже успел кое-чему научиться у заезжих раввинов, да и у таких столпов Хабада в СССР, как реб Ури Мышов, которого Давид, а вслед за ним и отец, называл просто – адмор. И на все побасенки суфистов, которые отец выкладывал перед ним как высшие проявления человеческой мудрости, у Давида были готовы быстрые и точные ответы, показывавшие всю незатейливость этих побасенок, рассчитанных на людей с неразвитым интеллектом.

Перед отцом открылся новый мир, и он с головой ушел в иудаизм. Но вот тут случилось нечто непредвиденное. Моя мать, которая до той поры спокойно переносила все духовные поиски мужа, вдруг встала на дыбы. Иудаизм, в отличие от других религий, не ограничивается философскими беседами да ни к чему не обязывающими умозаключениями. Он требует действий, причем во всех сферах человеческой жизни. А менять привычную жизнь мать не хотела. Отношения с отцом начали ухудшаться, и полный разрыв произошел, когда отец решил подать документы на выезд в Израиль.

Мать заявила, что литовская природа и русская деревня ей намного ближе ближневосточных пустынь и гетто в Бней-Браке. От женщины с фамилией Йошер это было слышать несколько странно. Правда, девичья фамилия матери – Бринская, была чуть благозвучней для русского уха, но, как шутили евреи в СССР, бить нас будут не по паспорту и не по фамилии, а по морде. В этом смысле моя мать должна была стать одной из первых жертв будущего погрома. И все же она уперлась с такой пылкостью, переходившей чуть ли не в ненависть, что отец развелся.

Вот так и вышло, что я с отцом оказался в реховотском центре абсорбции «Ошиот». Мать с моей младшей сестрой осталась в Вильнюсе. Но ненадолго. Налетела послеперестроечная буря, и мать быстро очутилась в Чикаго. Там она и коротает теперь свою одинокую старость. Зачем ей понадобилось ломать жизнь себе и отцу – я не понимаю до сих пор. Но и не спрашиваю. Во время моих редких визитов к ней я рассказываю о своих детях, об их успехах и планах и не ворошу прошлое.

Все это длинное отступление я сделал для того, чтобы рассказать о странном соседе, однажды вселившемся в соседнюю с нами

квартиру центра абсорбции. Уже сам факт того, что ему, одиночке, дали трехкомнатную квартиру в «Ошиоте», предназначенном для семейных, говорил о том, что или у этого соседа имелись большие заслуги перед Израилем, или он обладал серьезными связями.

В нашем центре абсорбции, или мерказухе, как мы его называли, жили репатрианты из многих стран – СССР, Ирана, Румынии, Аргентины. А вот из Англии оказался только один – наш сосед Вильям. От других обитателей мерказухи, вечно озабоченных то изучением иврита, то трудоустройством, то поисками квартиры, Вильям отличался самым разительным образом. Во-первых, он никуда и никогда не спешил. Во-вторых, человек он был молчаливый.

Целыми днями бродил он по апельсиновым садам, окружавшим с трех сторон мерказуху и наполнявших воздух таким ароматом, что, казалось, кто-то разбрызгал в воздухе духи. В ульпан Вильям не ходил, резонно посчитав, что и с одним английским он сумеет прекрасно прожить в Израиле. А английский был у него просто потрясающий!

Я как один из лучших учеников лучшей вильнюсской школы с английским уклоном мог оценить это в полной мере. Вильям был не просто из Англии, а из Лондона. И не просто из Лондона, а самым настоящим кокни. То есть он родился в центре Сити и вырос под звуки колоколов церкви Святой Марии на Боу. Евреев в таком месте практически не было, но отец Вильяма работал закройщиком в знаменитом ателье «Равенскрофт», которое уже несколько столетий шьет костюмы королевской семье, членам парламента и палаты лордов. Это и позволило семье еврейского портного снимать квартиру в самом сердце того, что принято называть «старой доброй Англией».

Благодаря и произношению кокни, которое вызывает у англичан чувство благоговейного если не восторга, то уж точно уважения, и связям отца Вильям поступил в военно-морскую академию и стал офицером королевского флота. О своей карьере он много не распространялся, но просил всех называть его просто – «капитан», предпочитая этот титул своему имени. Впрочем, я порой называл его «дядя Вилли». Я был единственным из обитателей

мерказухи, с кем капитан подружился. Наверное, потому, что все с трудом говорили по-английски.

А меня капитан привлек романтикой моря, веявшей от него. Передвигался он, как и все люди, прошедшие большую часть жизни на качающейся палубе, вразвалку. Голос у него, как мне тогда казалось, был стариковский, дребезжащий, визгливый. И этим голосом он постоянно распевал старинные морские песни – про соленые брызги, срывающиеся с вершушек волн, одиночество ночной вахты, прекрасную девушку, не дождавшуюся моряка и выскочившую замуж за тупоголового, но обеспеченного фермера.

Из всего его обширного репертуара лишь одна песня была на идиш, но пел он ее постоянно. Она была такая же длинная и грустная, как и его морские песни. Но о чем говорилось в ней, я не знал, поскольку из всего богатства идиш я владел тогда одним ругательством – кишмерен, ну, сами понимаете, куда. Из идишистской песни капитана я запомнил только одну фразу, по-видимому, припев: «Фуфцен хахомим ойф эйн масехес».

Сперва я просто выполнял его небольшие поручения – проверить в офисе мерказухи, не пришла ли ему почта (чего, кстати, не случилось ни разу), сбегать в киоск за «Джерузалем Пост», купить пару баночек темного пива «Гольдстар». Его капитан почему-то предпочитал другим напиткам. Я приносил ему пиво, он со смаком открывал баночку, сразу же выплескивал ее содержимое в рот, закуривал длинную черную, очень приятно пахнущую сигару и открывал вторую баночку.

Но когда я пытался начать с ним разговор, он только буркал сквозь зубы: «Спасибо, малыш», – свистел носом, как корабельная сирена в тумане, и бросал на меня столь свирепый взгляд, что вопросы застывали у меня в горле. Точно так же он вел себя и с другими обитателями мерказухи, когда они пытались начать с ним разговор. Поэтому все очень скоро научились оставлять его в покое.

Но со мной отношения у него постепенно наладились, и он начал рассказывать мне истории из своей жизни. Сперва короткие, а затем все более длинные. Это были, без преувеличения, ужасные рассказы. Судя по ним, капитан провел всю свою жизнь на море среди грубых жестких людей. Не знаю, были ли они такими

на самом деле, но из его описаний они представляли самолюбивыми карьеристами, думающими только о чинах и наградах, да о приключениях за счет казны ее величества.

Единственное, о чем с теплом и нежностью говорил дядя Вилли, – это о своем детстве, о доме, где все любили друг друга, об отце, бравшем его по пятницам в синагогу «испанцев», находившуюся прямо в Сити, и о матери, всегда припасавшей для него пятничным вечером какое-нибудь лакомство. Он часто вспоминал, как отец каждый вечер садился к нему на кровать и повторял вместе с ним перед сном «Шма Исраэль, А-донай Элокейну, А-донай Эхад».

Детство было, похоже, единственным светлым моментом в жизни капитана. Все остальные его рассказы были полны описаний людской ненависти, злобы, подлости и жадности.

Но самыми жуткими были истории о Фолклендской войне, в которой капитан принимал непосредственное участие. Его эсминец «Шеффилд» был потоплен аргентинской ракетой, и капитан чудом спасся, получив небольшое ранение. Несколько часов он болтался на спасательном плотике в открытом море, то и дело проваливаясь в забытие от холода и потери крови, пока его не обнаружили. Когда капитана доставили на Фолкленды, бои там только что закончились, и в одном госпитале в течение нескольких дней, пока их не вывезли, лежали раненные англичане и аргентинцы.

Койка капитана оказалась рядом с аргентинским офицером, тяжело раненным в последний день боев. Бедняге разворотило всю грудь осколком снаряда, и он страдал от страшных болей, которые не облегчали даже наркотики. Офицер то приходил в себя и тогда затихал, то проваливался в забытие и что-то кричал по-испански.

Капитана его крики страшно раздражали, и он попросил убрать его подальше от беспокойного соседа. Но места в другой палатке не было, и медсестра попросила потерпеть буквально несколько часов, пока капитана и всех остальных англичан не переведут на подходящий к островам плавучий госпиталь.

Аргентинец продолжал кричать что-то на своем языке. Но вдруг он странно затих на несколько минут, а потом во весь голос произнес фразу, заставившую капитана подскочить на кой-

ке: «Шма Исраэль А-донай Элокейну, А-донай Эхад». Капитан еще успел увидеть, как тело аргентинца изогнулось, глаза выкатились из орбит, а рот искривился в усмешке. А потом он обмяк, и его неподвижные глаза уставились на капитана.

В этот момент Вилли понял, что больше не желает служить на английском флоте. Вскоре он вышел в отставку – благо выслуги лет у него хватало с избытком, да еще и боевое ранение прибавилось. А затем оказался в мерказухе «Ошиот».

Через несколько месяцев я уже чувствовал себя в квартире капитана как дома. А он стал пользоваться моими услугами не только для покупки разных мелочей, но и для уборки квартиры. Убирать он не хотел, да и не умел, и договорился, что я буду делать это раз в неделю. Капитан платил щедро, и всегда после завершения уборки усаживал меня в одно из двух казенных мерказушных кресел, стоявших в салоне, сам садился в другое, угощал ароматным чаем и очередным рассказом из своей жизни.

В один из дней, когда я, вернувшись из ульпана, слонялся без дела во дворе мерказухи, ко мне подошел незнакомец. Мерказуха находилась на самой окраине Реховота, и через нее почти никто не проходил. А физиономии всех жителей соседних домов я уже давно знал наизусть. Незнакомец был бледен, с землистым лицом. Одежда его была чистая, но новая настолько, что было понятно – достал он ее из коробки совсем недавно: рубашка на нем не успела обмяться, и складки, оставшиеся от фабричной упаковки, проходили через всю спину и грудь. На левой руке у него не хватало двух пальцев, но этого он ничуть не стеснялся, а наоборот, все время размахивал ею, словно выставляя напоказ свое увечье.

Я видел, как незнакомец обращался к нескольким жителям мерказухи, и как они разводили руками. Наконец один указал ему на меня. Он подошел и спросил на довольно корявом английском:

– Извините, я хотел бы знать: обретается ли в этом доме мой товарищ Вильям?

Я ответил, что капитан пошел погулять.

– А куда, сынок? Куда он пошел?

Я показал ему апельсиновый пардес, в котором ежедневно гулял капитан, и сказал, что он, верно, скоро вернется.

– А когда точно?

И, задав мне еще несколько разных вопросов, он проговорил под конец:

– Да, мой товарищ Вильям обрадуется мне.

Но вопреки этому заверению я не заметил на лице дяди Вилли особой радости, когда он увидел незнакомца.

Пожав ему руку, дядя Вилли предложил незнакомцу сбежать в соседний маколет и приобрести что-нибудь покрепче, чтобы отметить встречу. Я удивился, почему он не послал, как обычно, меня, но промолчал. Едва незнакомец удалился, капитан схватил меня за плечо и усталым голосом сказал:

– От прошлого нельзя так просто избавиться, мой мальчик. Даже сменив паспорт. Оно липнет к тебе, как портовая девка, и требует отчета с настойчивостью волн, разбивающихся о пирс. Идем быстрее, мне нужна твоя помощь.

Мы поднялись на нашу лестничную площадку, капитан долго не мог попасть ключом в замок, так у него дрожала рука. Оставив меня в салоне, он прошел в спальню и почти сразу вернулся, держа в руках небольшой кожаный портфель.

– Возьми его, мой мальчик, – сказал капитан, – спрячь где-нибудь в своих игрушках. И никому не говори, что я тебе его дал. А теперь иди, да постарайся, чтобы никто тебя не увидел с этим портфелем.

Сделать это было вовсе не сложно – нашу дверь отделяли от двери капитана десять сантиметров. А дома никого не было. Я положил портфель на пол, набросал на него школьные учебники и вещи, а сам стал у окна салона, из которого была видна улица, ведущая к маколету, и площадка перед домом.

Незнакомец показался через несколько минут. Он пребывал в прекрасном настроении – шел быстро, чуть пританцовывая, держа в правой руке целлофановый пакет, а левой размахивая в воздухе.

Когда дверь в квартиру капитана хлопнула, я прокрался на лестничную площадку и прижался ухом к двери. Но усилия мои оказались тщетными – капитан и незнакомец, похоже, не остались в салоне, а прошли на кухню, расположенную в другом конце квартиры.

Долгое время, несмотря на все старания, я не слышал ничего, кроме невнятного говора. Но мало-помалу голоса становились все громче, и, наконец, мне удалось уловить несколько слов, главным образом ругань, исходившую из уст капитана.

Раз капитан закричал:

– Нет, нет, нет, нет! И довольно об этом! Слышишь?

Шум нарастал, собеседники явно перешли в салон. Потом я услышал, как что-то грузно грохнулось на пол. Я метнулся в свою квартиру. Когда раздались быстрые шаги на лестнице, я выглянул на лестничную площадку. Дверь в квартиру капитана была приоткрыта. Я просунул голову в образовавшуюся щель и увидел капитана, который во всю свою длину растянулся на мозаичных балатах салона. Глаза его были закрыты, из уголка рта тянулась тонкая струйка слюны.

Я попытался поднять капитана, но он был слишком тяжел. Тогда я бросился в контору мерказухи и вызвал скорую помощь. Амбуланс приехал буквально через несколько минут – больница «Каплан» находится на расстоянии двух километров от «Ошиота».

Врач сразу же поставил диагноз – обширный инсульт.

– Он что, сильно нервничал, перенапрягся? – спросил меня врач.

Что я мог ему ответить! Амбуланс отвез капитана в «Каплан», где он и умер, не приходя в сознание. Его немногочисленные вещи сперва забрали в полицию, а потом вернули в офис мерказухи – на случай, если объявятся родственники. Но они так и не объявились.

– А что же было в портфеле капитана? – спросил рав Кинигл.

– В тот же вечер, когда стало известно о смерти дяди Вилли, я полез в этот портфель. Но там не оказалось ни денег, ни драгоценностей, ни ключа от сейфа. Только какие-то бумажки на иврите. Я в них ничего не понял и бросил портфель в свой шкаф. Угрызений совести у меня не было – если паче чаяния вдруг приедут родственники, я отдам им портфель. Но, как я уже сказал, они так и не появились.

Абсорбция моя проходила совсем не просто, и про портфель я начисто забыл до тех пор, пока мы не переехали через несколько

лет из мерказухи на свою квартиру. Я вновь полистал бумаги и понял, что это были документы на акции, приобретенные капитаном, а также бумага о передаче их в полное владение, в которой было все – и подпись капитана, и печать адвокатской конторы. Оставалось только вписать нужное имя в пустую графу. Но капитан сделал очень неудачное вложение своим несколькими десяткам тысяч долларов – приобрел акции компании, разыскивавшей газ у северных берегов Израиля. Компания занималась поисками уже несколько лет, но никаких признаков газа обнаружено не было. Эти акции не стоили ничего.

Потом, при нескольких переездах и по мере того как мой отец под влиянием дяди Давида становился все более и более благочестивым евреем, пока, наконец, не поселился вместе со мной в Бней-Браке, я несколько раз подумывал о том, чтобы выбросить этот портфель с бесполезными бумажками. И каждый раз что-то останавливало меня – скорей всего, память о несчастном еврее, попытавшемся найти счастье на Родине, но трагически заплатившем по старым счетам.

Несколько месяцев назад все израильские газеты вышли с громадными заголовками – компания известного израильского миллионера нашла на морском шельфе возле Хайфы крупное месторождение газа. Я вновь пролистал бумаги – капитан в свое время купил акции именно этой компании. Первый же биржевой маклер, которому я показал их, предложил мне за акции миллион долларов, причем был готов расплатиться на месте и наличными.

Я оказался перед серьезной проблемой. Один росчерк пера – пустая графа в купчей будет заполнена моим именем, и я превращусь в миллионера. Но вправе ли я это сделать? Из рассказов капитана я знал, что он был единственным ребенком в семье, а его родители давно скончались. Начать розыски его родственников? Или взять эти деньги и отдать большую часть на цдаку? Чтобы избавиться от сомнений, я решил приехать в Нью-Йорк, помолиться на могиле Ребе и спросить у него совета с помощью «Игрот ха-кодеш». Вот так я оказался в этом самолете.

Лицо Йошера озарилось светом. Он заморгал и прикрыл глаза рукавом черного пиджака. Солнце пробилось через тучи, и кабина самолета засияла, заискрилась от сотен маленьких светлых

лучиков, отражавшихся в лужах, собравшихся после ливня на бетонном покрытии аэродрома.

– Ну, вот и все, слава тебе Г-споди, – с облегчением вздохнул Кинигл, – теперь бе ззрат Хашем, скоро будем в Нью-Йорке.

И он от всего сердца поблагодарил всемилостивого Творца, что Он все прошедшие годы берег его от соблазна.

В свое время капитан Вильям обратился к адвокату Киниглу, и тот оформил тот самый документ на передачу акций. Уставясь в иллюминатор, Кинигл вспомнил, что копия этой бумаги хранилась в его адвокатской конторе. Когда он отказался от практики, то свалил весь архив в подвал своего дома и с тех пор ни разу не прикоснулся к папкам.

– Г-споди, Хозяин мира, – молился Кинигл, – ведь денег этих и на синагогу хватит, и мне на всю жизнь. Да что мне – детям, внукам. И не надо будет жениться непонятно на ком, и не надо будет мучиться – коэн не коэн, чиста не чиста...

Избави же меня от этого испытания, оно еще страшней, еще мучительней, чем прежде... Г-споди, что бы Ты ни ответил мне через «Игрот ха-койдеш», первое, что я сделаю, вернувшись домой, – сожгу весь свой архив. Г-споди, я сделаю это, сделаю, сделаю непременно! Только Ты помоги мне, укрепи меня, дай устоять, дай выдержать, дай силы...

Тель-Авив

